

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ

В 2015 году академическое сообщество отметило юбилей доктора философских наук, заслуженного деятеля науки и почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Валентины Николаевны Ярской-Смирновой¹. С ее именем связаны важные шаги в организации отечественной науки – философии, социологии, теории и практики социальной работы; становление систем занятости, социального развития, подготовки кадров. Валентина Николаевна имеет богатый профессиональный опыт: профессор кафедры философии Саратовского государственного университета и Поволжской академии государственной службы; проректор по НИР и руководитель Научного парка Поволжского межрегионального учебного центра Федеральной службы занятости; зав. кафедрой философии, руководитель научной школы социологии и социальной политики, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина.

В.Н. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА: «КАК У МНОГИХ В ТЕ ГОДЫ, МОЙ ПУТЬ В СОЦИОЛОГИЮ БЫЛ НЕПРОСТЫМ: ОТПРАВНОЙ ТОЧКОЙ БЫЛА ФИЛОСОФИЯ»

DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3069

Рассказанное Валентиной Николаевной примечательно прежде всего тем, что расширяет и профессионально маркирует социокультурный контекст значительного отрезка истории СССР и постперестроечной России. Интерес к искусству и наукам, стремление понять социальность времени человека привели ее в социологию. Научный и преподавательский опыт, знание жизни общества, желание и умение узнавать новое позволили ей занять заметное место в отечественной социологии, теории и практике социальной работы как нового института российской реальности.

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор, кафедра «Социология, социальная антропология и социальная работа», Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина. Адрес: 410054, Саратов, ул. Политехническая, д. 77. Телефон: +7(8452) 998-059 / 57. Электронная почта: jarskaja@mail.ru

Валентина Николаевна – не только организатор Саратовской научной социологической школы, активно ведущей подготовку социологических кадров и получившей в свое время высокую оценку В.А. Ядова. В поколенческой стратификации советских и российских социологов она относится к третьему поколению и вместе с тем стоит у истоков семейной династии. Ее дочь Елена Ярская-Смирнова представляет пятую профессионально-возрастную когорту, к этой плеяде относится и зять, недавно ушедший от нас Павел Романов. По пути старших пошли внуки Валентины Николаевны: Катя Печёнкина, 32 года, PhD, преподаватель Мельбурнского университета; Ростислав Кононенко, 30 лет, кандидат социологических наук, старший преподаватель НИУ ВШЭ; Дуня Романова, 24 года, магистр Техасского университета. Они принадлежат к седьмой генерации российских социологов. Сколько проведено этой семьей исследований, опубликовано книг и статей, произнесено научных докладов, подготовлено социологов – думаю, ее представители сами не знают.

Борис Докторов

Валентина, около десяти лет назад ты рассказала о жизни (Социологический журнал. 2005. № 2). Но, будучи специалистом по времени, обошла, тем не менее, темпоральные точки биографии. Цель моих бесед – обогащение истории советской / российской социологии. Не могла бы ты вернуться к тексту интервью и дать хронологию жизни? Начнем с семьи, детства...

Начало любой биографии, подобно времени мифа, замыкается на себя, не развернуто и не до конца рефлексивно. Гнелу социального времени противостоит его инверсия, а помогает погрузиться в инверсию времени биография. Я родилась как горожанка, в обособленном от центра Свердловска военном городке. Отец, Николай Тихонович, родился в многодетной семье; дед Тихон был пастухом; по мере взросления дети уезжали в города – Петровск, Саратов, Пензу и дальше – на Урал, в Свердловск. Это был исход сельских жителей – из деревни в город, в поисках заработка, от нищеты, голода, безнадёги. Отец хорошо учился, был принят в Свердловскую школу красных командиров, привез маму, жили в военном городке.

Мамин отец, дед Емельян, служил на Балтике моряком дальнего плавания; отслужив, из Кронштадта вернулся в Саратов. Мама Антонина получила по тем временам неплохое образование – педагогический техникум; это позволило ей в довоенные, военные и послевоенные годы работать в школе – учительницей начальных классов, преподавателем школы глухонемых, воспитателем в детском доме – в городах, куда семья переезжала вслед за служебными назначениями отца. Она рассказывала о бригадном методе, когда предмет, например

математику, за группу сдавал кто-то один — тот, кто был в ней силен; то же самое по истории, русскому, литературе. Характер мамы был жизнерадостный, она была семейным центром, помогала любому, кто ждал ее совета и помощи, пела в клубном хоре, участвовала в лыжных соревнованиях. Наверное, с целью системного советского воспитания меня отдали в детский сад.

Если помнишь, пожалуйста, расскажи о детском саде той поры...

Нас занимали увлекательными играми, танцами, чтением стихов и сказок, подготовкой к праздникам; знаменательные советские даты отмечались красочно, ставились декорации, менялись костюмы и роли. Военно-патриотическое воспитание начиналось, когда дети слушали рассказ воспитательницы о биографии вождя; затем воспитанники в шлемах-буденновках с красной звездой «скакали» на игрушечных конях, либо в белых бескозырках с ленточками на корабле «Клим Ворошилов» краснофлотцы выстраивались, готовые к сражениям. Параллельно с военным патриотизмом мы осваивали и безобидную гражданскую тематику — танцы снежинок, поварят и (американских) клоунят; разучивали детскую классику про козлика, елочку, каравай и множество других аполитичных стишков и песенок. Позже воспитатели старших групп переходили к классике детской поэзии, знакомили нас с произведениями Михалкова, Чуковского, Маршака.

Похоже, мы подошли к времени начала войны; что у тебя осталось в воспоминаниях о том периоде?

В общем массиве событий на жизненном пути бывают воспоминания, которые занимают особую биографическую нишу и не исчезают никогда. Перед самой войной отца направили служить в погранвойска, Кишинев. Приехав к нему в июне 1941 года, мы удивились, что, в отличие от уральских городов — холодного Свердловска и страшных по своей экологии Березняков, — в приграничном Кишиневе было солнце, много фруктов, яркой зелени, вкусных булок. Тогда мало кто знал, что центральные города и села жили намного беднее окраинных республик. Мама восторгалась непривычным изобилием, ее восторг передавался мне, жизнь казалась бесконечной, с ощущением беззаботности и счастья.

Но однажды ночью начались разрывы снарядов, папу вызвали «по учебной тревоге», после этого мы его не видели года два. Началась война, немцы бомбили Кишинев; утром за нами пришел боец для эвакуации. Соседи, местные жители, завели патефон, накрыли стол и радовались началу войны. По пути к месту эвакуации пришлось прижиматься к домам; над нами низко летал самолет, и сопровождавший боец тщетно пытался попасть в него из винтовки. От бомбежки прятались в подвале, и нас засыпало обломками разрушенного дома. Откопали, отвели на вокзал, погрузили в теплушку, ехали до пересадки

в Харькове. Во время налетов выскакивали из вагонов и разбегались по обе стороны от насыпи, в поле, лесные опушки, пережидали тревогу, Бог дал – доехали целыми и невредимыми.

У мамы в Саратове оставались родители и две старшие сестры, мои тетки. У старшей тети Кати было два сына, выросли и стали авиаторами: старший Петр получил профессию инженера-авиаконструктора, а младший Владимир окончил Саратовскую спецшколу ВВС и Энгельское летное училище, стал асом, командиром эскадрильи реактивных бомбардировщиков. Вторая мамина сестра, тетя Клава, постоянно жила с двумя дочерьми и мужем в уютной квартире старого дома на улице Мичурина; мы стали жить одной дружной семьей до возвращения отца с фронта. Чем-то огромный двор со старыми постройками и повывавшими виды одноэтажными домами напоминал сельскую общину. Все было у всех на виду, обсуждали новости с фронта, помогали друг другу: гемайншафт. По ночам дежурили на крышах домов; немцы бомбили Заводской район, где работал авиационный завод, хотя линия фронта была от Саратова дальше по сравнению со Сталинградом. Жили скромно, хлеба было мало, лакомством для детей была морковь: младшей доставалось больше, старшим – поменьше. Наше детство в военные годы не было обездоленным благодаря крепкой дружной семье.

Отец был ранен, оказался в госпитале, после вернулся в погранвойска. Мы с мамой приехали к нему в Дзержинск; нас, как и другие семьи военных, поселили в гостинице. В кинозале гостиницы показывали фильмы из мирной жизни с участием Орловой, Серовой, Целиковской, Крючкова и Самойлова, а музыка Дунаевского вошла в нашу плоть и кровь. Я ходила в клуб на занятия музыкой через замерзший пруд, каталась на коньках, их привязывали к валенкам веревочкой.

В день Победы ликовали и взрослые, и дети – салют, радостные лица; сообщество семей военных собралось на площади, обнимались, плакали, смеялись, вынесли столы, угощали друг друга всем, что нашлось.

Война закончилась, что изменилось в жизни?

Наша семья вернулись в Саратов; тогда для демобилизованных военнослужащих не было ваучеров на жилье, и тетя Клава опять взяла нас к себе. Ее муж, дядя Коля, работал участковым милиционером; голубоглазый, белокурый атлет, настоящий великан, добродушный и смешливый, готовый ответить на шутку, поддержать хохмы и розыгрыши. Однажды, во время праздника Победы, мы заключили пари, что принесем цветы с большой клумбы из сквера. Дядю Колю одели в шляпу с большими полями, длинный плащ, шарф на шею. Я надела чьи-то каблуки, накрасилась и взбила волосы. В таком «иностранном виде», под ручку двинулись к скверу. Когда приблизились к женщине,

ухаживающей за клумбой, я громко продемонстрировала школьный уровень немецкого, произнеся: “Im Park sind viele Blumen: / weiß, rot und blau und bunt. / Wir lachen, spielen, springen, / und lustig bellt der Hund”.

Обращаясь к «иностранцу», потребовала — «Блюмен!» Дядя Коля выдал тираду, подразумевая некое иностранное наречие: «баба-женщина, битте, баба-женщина, один, два, три цветка — быстро, битте, пожалуйста! Данке, данке!» Надо было видеть трогательную картину — джентльмен средних лет, иностранец — редкость в то время и в тех краях — под руку с молоденькой девушкой, которая просит цветы. Работница сквера радушно кивает, выбирает цветы, протягивает готовый букет. Дома нас ждали поздравления и призы.

По сравнению с нынешним, Саратов был другим. Изменения происходили постепенно, и вот уже ушел когда-то хорошо уловимый шарм истинного интеллекта, провинциальной духовности, хотя и наука, и театры, и художники еще живут здесь, но уже в другой среде.

Пожалуйста, поделись воспоминаниями о школьной жизни...

Из дворовой ребятни я сколотила команду — актерскую труппу, у меня оказалось достаточно времени для реализации театральных планов, без которых не могла существовать моя экзистенциальная темпоральность. Начала с того, что поставила «Аленький цветочек», еще что-то, подражая постановкам ТЮЗа, придумывая более удачный, как мне казалось, финал. Во время представлений ставились скамейки, табуретки в центре большого двора, «актеры» появлялись из дверей веранды теткиной квартиры, там шло переодевание; артисты усердно гримировались. Одна из «дворовых актрис» Рая Пронина из полуподвальной квартиры связала жизнь с театром навсегда. А позже ученик английской школы Толик Гусев, оказавшийся в драмкружке, которым я руководила попутно с преподаванием физики в качестве практиканта, и гениально сыгравший роль Бабы-Яги в новогодней фантасмагории, работал в сибирском театре. Исполнительница роли зайчика годы спустя предстала как преподаватель английского языка и мама Виктории, защитившей в моем совете докторскую, а в Британии PhD (сейчас профессор «Вышки»). Как тесен мир!

И пространство, и время изменились, когда школу перевели на улицу Коммунарную; 8-я женская школа осуществляла экспериментальную программу: латынь, логика, психология. Эта необычная школа пробуждала неподдельный интерес к занятиям, схватывалось на лету, я ее закончила с золотой медалью. Кроме неординарной учебной программы здесь было все для эстетического и физического развития; дополнительно мы занимались спортивной гимнастикой в обществе «Динамо», даже получали разряды. Директриса Вера Даниловна следила за соблюдением этикета — отутюженная форма, приличное по-

ведение; запрещала приглашать «штатских мальчиков» на школьные вечера (это легко обходили). По традиции женская школа дружила с суворовским училищем, находившимся за углом. Ближайшее дружеское окружение уважало псевдонимы, таинственные сокращения. Ядро класса сверкало, бурлило, взрывалось, кипело, и прекраснее этого уже ничего в жизни не было.

В школе функционировал мощный хор, работали драматические студии, ставили спектакли актеры из ТЮЗа; я участвовала в постановках еще и в суворовском училище. Среди друзей-суворовцев были Юрий Власов, позднее известный спортсмен, чемпион по штанге, писатель, политический деятель; и Рубен Варшамов, замечательный художник, яхтсмен, издатель хороших детских книг («Веселые картинки»). Юра занимался метанием копья, диска, ядра, был развит интеллектуально и физически — высокого роста, хорошего сложения, голубые глаза с черными бровями и ресницами («аристократическая порода» — гордился он).

Папу в это время взяли на работу в правоохранительное ведомство; эта организация примерно через год решила для нас жилищный вопрос, и мы переехали в квартиру на втором этаже, на улице Ленина-5. Типичная коммуналка — «московский муравейник»: шесть семей на кухне, но зато — две смежных комнаты с видом на Волгу, мы были счастливы. Отец работал и учился заочно в юридическом, приносил следственные упражнения, мы с ним шушукались, «раскрывали» преступления. Шахматы тоже стали общим увлечением, но папа играл на порядок лучше и активно посещал клуб шахматистов на Набережной Космонавтов.

Я собиралась стать следователем или разведчицей, но ближе к окончанию школы вновь увлеклась театром, мне нравились роли в фильмах, увлекали драматургические образы. Спустя годы прошла собеседование в студию Саратовского ТЮЗа, сам Мастер (Юрий Петрович Киселев) похвалил меня, но посоветовал не уходить на «нищенскую зарплату». На фоне семидесяти рублей актерского оклада стипендия аспиранта (сто рублей) казалась богатством. Физика, математика, история, языки были моей страстью одновременно; меня сопровождала неопределенность будущего, хотелось объять необъятное. Мама, настроенная более определенно, считала, надо идти в науку, а театр, кино — профессия несерьезная. Возможно, она лишь подчеркнула, что не было явным, дальнейшее мое развитие не раз шарахалось от одного увлечения к другому, и в этом видится вред отличной учебы по всем предметам.

В те годы Саратов был действительно волжским городом; Волга была доступна горожанам, мы вырастали волгарями, казалось — весь город стоит на берегу. Потеря доступности Волги для жителей современного Саратова, — видимо, урбанизированная месть большого города, изнанка технического прогресса. Время урбанизации продиктовало инверсию, движение вспять, регресс.

Тогда было много бассейнов, водных станций, можно было взять напрокат лодку; сложилась замечательная компания, суворовцы брали увольнительные, мы вместе проводили радостное время. Помню эпизод с подготовкой экзамена по истории, когда у меня дома собрались одноклассники готовиться по билетам, но пришел Юра, скомандовал: «Все на пляж!». А на пляже рассказывал интересные, не известные нам факты, исторические случаи, парадоксы, демонстрируя совсем иную, живую парадигму преподавания истории в суворовском училище.

В школе были тогда учителя особой, уже уходящей породы. Анна Петровна Некрасова – словесница, я не встречала такого мощного преподавателя литературы, не привязанного к какому-то учебнику. В классе разгорались дискуссии и вне учебных уроков, например: Чарская или Маяковский? Находились рьяные приверженцы обеих сторон. Это не были политические дискуссии; наша школьная жизнь протекала по эту сторону колючей проволоки, о советском зазеркалье многие тогда не знали. Мои подруги и друзья школьной поры много читали, обменивались впечатлениями, пробовали себя в поэзии и прозе. А с Еленой Горской (Панасян) мы сочиняли мюзикл – я писала либретто, она – музыку. Не пропускали премьеры в Опере, брали дешевые билеты на галерку, в ТюЗе и драме смотрели все подряд. Учительницей музыки была Анна Васильевна Чайковская, которая оправдывала свою музыкальную фамилию, обладала совершенным вкусом, расписывала партии, хоры, дуэты, трио; мы пели Лизу и Полину, Прилепу и Миловзора, «Улетай на крыльях ветра», тщательно отобранные песни. Было странно слышать пару лет назад по «Эху Москвы»: Мария Гайдар сказала, что им на уроках музыки включали Моцарта, а они «дружно смеялись». Мы, видимо, последнее поколение, получившее традиционное музыкальное воспитание и вкус.

Как ни удивительно, но разнесенные судьбой в разные пространства, мы сохранили общее время юности, идеологию справедливости и нравственности в различные времена наших жизней. В старших классах увлечение – джаз; пели, разыгрывали, изображали трубу, ударные. Коллекционировали пластинки, хотя учили немецкий и латынь, английский стал хобби через песни. «Голос Америки», Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Элла Фицджеральд...

И вот завершается школа, что дальше?

Наш школьный латинист, бывший белоэмигрант из Китая Григорий Михайлович Усов, превосходно знал китайский язык, рассказывал о культуре, традициях, истории Китая. От него я получила первые книги с иероглифами, узнала о языковых диалектах, стала собирать книги по истории Востока. На выбор института востоковедения повлиял и Юра Власов, я испытывала влияние этой сильной личности, особой харизмы; он привозил мне китайские веера, книги; мы симпатизировали друг другу, дружили, но годы спустя расстались. С медалью я свободно

поступила в Московский институт востоковедения в Сокольниках, жила на Чистых прудах — прямая красная ветка. Красавец с черными усами, аспирант Зия Буниятов вел собеседование: «...в аттестате — латынь, проспрягайте глагол “amo”». Я проспрягала. «А какой известный химик был одновременно композитором?» Разумеется, я знала, что Бородин. «А кто написал Конек-Горбунок?» — на это я ответила, что знаю даже, кто написал «Доктор Айболит»; члены комиссии рассмеялись, и меня приняли. Институт, правда, через год расформировали; Микоян назвал это ошибкой; позже открыли институт Азии и Африки, я уже заканчивала физический факультет и увлекалась философией.

По распределению преподавала физику в Узбекистане, в корейской школе, затем в волгоградском инженерном вузе, познакомилась с известным философом Еленой Мамчур. После моего доклада о китайской философии она спросила: «Что вы делаете в физике? Вам надо в философию». Я словно ждала толчка — поступила в философскую аспирантуру СГУ на кафедру Ольги Сергеевны Зелькиной; руководителем диссертации «Философское значение понятия инверсии времени в физике» стал Яков Фомич Аскин. Ездил на стажировки и конференции в Грузию, Прибалтику, на Украину, в Ленинградский, Московский, Свердловский и Тартуский университеты, Институт философии. Многоформатность темпоральностей оказалась не аллегорией, а реальностью; время определяло интеллектуальное пространство, общение с блестящими собеседниками: П. Гайденок, Э. Гирусов, В. Лекторский, И. Мочалов, В. Швырев, Ю. Сачков.

Критикуя позитивизм, советская философия сама была его определенной версией. Но позитивистская установка граничила с физикализмом, академические авторитеты полагали, что время — лишь параметр физики, инверсия времени — математический формализм, в форматах гамильтониана и лагранжиана. Интерес к теме возрастал не благодаря авторитетному мнению официальных темпоралистов, а скорее вопреки. Появились переводы Фейнмана, четырехтомник Эйнштейна, дискуссии вокруг копенгагенцев (Бор, Гейзенберг, Шредингер). Стало откровением — науки основаны на инверсии времени: антропология, биология, геология, история, социология.

Хрущевская оттепель сменилась атмосферой стагнации, в столичные командировки ездили со списком, что привезти. Исчез страх репрессий — можно улететь на самолете или уехать на поезде в любую точку Союза, дешевый бензин; проводили досуг на Волге, катались на водных лыжах, совершали путешествия. Сейчас это невозможно из-за дороговизны, криминальной обстановки на берегах и островах. Позже узнали, что поездки, билеты, конференции дотиrowались; в развитие дорог, транспорта, самолеты, автобусы и поезда не было вливаний, все ветшало, увеличивало риск аварий и катастроф. Накапливался долг перед границей и собственными гражданами.

Ученый секретарь Института философии на Волхонке, бывший моряк, сказал мне: «А что, у вас в Саратове, в Сибири, разве нет докторского совета?» В ответ я подарила ему монографию «Научное предвидение», с надписью: «От автора из Саратова на Волге». Мои друзья смеялись, а муж, профессиональный геолог, интерпретировал: «Видимо, он специалист по морям, а не по рекам».

Валентина, а может, о времени как социальном феномене следует поговорить специально? Ведь это твое, наряду с социологией...

Поколение как форма времени было представлено Гераклитом из Эфеса, развалины которого показывают туристам в Турции, а европейцы сегодня обращаются к понятию поколенческого контракта для характеристики моделей благосостояния. Поколение вызывает интерес с позиций исторической перспективы, усиления социальности и гражданственности, сокращения времени тотальной власти. В конце 1980-х стал заметным разрыв между экономическим объяснением хозяйственных реформ и отсутствием адекватных представлений о социальной реальности; нужна была интерпретация культурной эволюции, отхода от репрессивного режима, понимание времени в нелинейном формате. В новой картине мира меньше времени всеобщности, больше социальности и биографичности; формами темпоральности оказываются культурная гибридизация, поколение и ускорение.

После защиты докторской в Институте философии АН СССР в 1981 году я работала профессором родной кафедры философии в СГУ, руководила аспирантами и Теоретическим философским семинаром (ТФС); на его заседания сбегались молодые ученые из саратовских вузов. По сути это была неформальная философская школа, пестовали будущих философов из среды физиков и лириков. Философские кадры тогда формировались в аспирантуре, но во многих университетах не было философских факультетов. Недавно мы имели то же самое в социологии – вначале она была реанимирована как наука, а социологическое образование еще не существовало, социологи рекрутировались из математиков, философов, экономистов.

Мои первые дипломники и аспиранты из физиков стали известными учеными, творческими и политическими деятелями, показали в дальнейшем, что талантливы во многом. Виктор Хасин работал в Поволжском кадровом центре первым проректором; Владимир Гасилин стал ведущим философом, автором глубоких книг по истории философии. Николая Татарина в чине студента-физика мы отправляли посланцем к опальному Л. Гумилеву, чтобы устроить чтения на ТФС. Теперь Николай под псевдонимом Кононов – известный петербургский писатель, поэт, деятель культуры.

Время было застывшим, в российских вузах действовали привычные программы по известному джентльменскому набору общественных наук. В 1985 году ректор Политехнического института, академик

Анатолий Иванович Андрющенко пригласил меня на заведование кафедрой, и этот переход сыграл большую роль в повороте моих научных и педагогических интересов. В отличие от затхлой атмосферы на кафедрах общественных наук так называемых классических университетов, технический вуз был готов к инновациям.

1980-е годы раскрыли имена, которые невозможно не заметить; они повлияли на интерес к социальным наукам не только в теоретической части, но и в плане инструментария. Это, прежде всего, были ленинградские создатели социологии труда О. Шкаратан, В. Ядов, осуществившие переворот в социологической картине мира. Отечественная социология снова стала наукой. Появилось убеждение, что это направление уводит от схоластического теоретизирования в русло активной социальной жизни

По различным каналам — диссертациям, защитам, оппонированию, конференциям — мы были знакомы и всей семейной династией взаимодействовали с обаятельным Геннадием Батыгиным на протяжении многих лет. Это — абсолютно светлая личность, тонкое лицеобразование искренности, интеллигентности; он руководил кандидатской Паши Романова в Институте социологии и магистерской Милы Горюновой в «Шанинке»; позже оба защитили в моем совете, он — докторскую, она — кандидатскую. Гениальный Владимир Ядов курировал докторскую Павла, по многим вопросам взаимодействовал с нашей Еленой, поддерживал меня лично и дал высокую оценку нашей научной школе, сравнив со школой Татьяны Ивановны Заславской.

Теперь — самое время рассказать о твоём вхождении в социологию...

В 1990-х мы начали в первой пятерке вузов России подготовку по социальной работе — новой для России западной специальности, которая сразу же потребовала подготовки и чтения многих социологических курсов. Теперь удивляются, почему это произошло в техническом вузе, рассуждают о «профильности». Я избиралась председателем Саратовской ассоциации работников социальных служб, оказывала методическую помощь работникам социальной сферы. Кафедра стала предметом профессиональной гордости, форумом общения начинающих социологов. Елена вернулась из Швеции Гётеборгским магистром социальной работы, инициировала разработку программ, мы получили разрешение Минобрнауки на открытие бакалавриата и магистратуры. Правда, виза Учебно-методического объединения была получена с неожиданным условием — включение их представителя в соавторы наших магистерских программ.

В образовательной программе по новой специальности центральное место отдавалось блоку социологии; появилась необходимость готовить квалифицированные кадры по социологии; открыли аспирантуру, докторантуру по социологическим специальностям. Путь

в социологию был непростым, как у многих в те годы, отправной точкой была философия. Переход от социальных проблем в философии к социологии казался вполне логичным, хотя в каком-то смысле маргинальным. В конце концов, мы должны иметь профессиональную склонность к проблемам, а не разграничиваться жестко по научным дисциплинам, как в традиционном учебном процессе. Постепенно я оказалась не только в интригующей преподавательской сфере, но и в процессе синтеза разных научных подходов и методологий, требующих постоянного совершенствования, широкого взгляда на содержание и методы исследования, что составляет суть университетского образования.

Пожалуйста, вспомни, как происходило становление отделения ВЦИОМа в Саратове? В каких еще исследовательских программах вы участвовали?

Под влиянием знакомства с Татьяной Ивановной Заславской в 1988 году я организовала региональное отделение ВЦИОМа на базе Социологического центра СГТУ, постепенно оно стало самостоятельным территориально. Но какое-то время оба коллектива де-юре отдельно, а де-факто вместе, работали рука об руку. Это отделение закрылось в 2012 году, проработав 24 года.

Глубокий след с точки зрения развития академических сетей оставила общесоюзная программа «Общественное мнение (социология вуза)» (1987), руководитель Александр Овсянников. В 1990 году я вошла в состав Ученого совета программы; к тому времени сформировались профессиональные дружеские сети: Саша Иудин из Нижнего Новгорода, Мария Лискаускене из Иркутска, Валя Немировский из Красноярска, Давид Ротман из Минска, социологи Барнаула, Волгограда, Казани, Москвы, Самары. Саратовцы ценили участие в этой программе, жалели, что с развалом Союза ее расформировали; практически все участники, выйдя из программы, с социологией уже не расставались. Это Олег Ежов, Марина Елютина, Лариса и Сергей Константиновы, Алексей Понукалин, Елена Ярская-Смирнова.

Вскоре возглавила участие саратовских социологов я и в другой союзной программе — «Народы России — возрождение и развитие». Эта программа (руководитель Вячеслав Пуляев, Ленинград), в отличие от предыдущей, предполагала свободу выбора тематики, разработки инструментария. Мы предложили тематику поволжских немцев, молодежных субкультур, этнических взаимодействий, образования и другие направления. Позже мы оказались также востребованы первой в России независимой службой изучения общественного мнения *Vox Populi* (Борис Грушин). Некоторые полевики тогда воспринимали знаменитую инновацию как отход от этических норм социологического исследования.

В начале 1990-х создавалась Федеральная система занятости (ФСЗ). Мы разработали проект на базе Межрегионального учебного центра и обратились к руководителю новой службы Федору Прокопову с предложением создать Научный парк ФСЗ в качестве вспомогательной научно-методической структуры. Нам сразу же утвердили структуру и штатное расписание. Проект осуществлялся как крупная научно-практическая инновация, исследовательские отделы фокусировались на социологии и психологии занятости, социальной адаптации и профессиональной консультации, подготовке персонала для новой системы. В Научный парк мы отобрали талантливых молодых людей из саратовских университетов; новые специалисты стали авторами целого ряда методик по работе с персоналом, организации переобучения безработных, осмыслению занятости не только как понятия экономического, но и наполненного социальным содержанием в широком контексте. В регионы рассылались методики работы этих служб, я работала директором Научного парка, проректором по науке; это было, по правде сказать, гораздо привлекательнее чисто исполнительской работы во ВЦИОМе. Именно отсюда мои ученики и соратники выростали как активные деятели региона и за его пределами. Позже в Москве организуется Российский учебный центр (РУЦ) при ФСЗ, его руководители приезжают к нам на консультации. Мы делимся идеями, методическими наработками, готовим конференции, семинары, а затем они милостиво разрешают нашему центру стать «Поволжским филиалом РУЦ». Таковы традиции высокомерного отношения столичных деятелей к региону.

Это теперь я хорошо знакома с экспертной работой – участвую в работе фондов и центров, обозначена в реестре экспертов Минобрнауки РФ. А тогда пришлось осваивать экспертную деятельность в скоростном режиме, причем в новой структуре *National Training Foundation*, или НФПК – некоммерческой организации, созданной в 1994 году по решению Правительства РФ. Владимир Ядов возглавил экспертный совет по социологии и пригласил меня в качестве эксперта, члена этого совета. Без малого десятилетие я проработала на Смоленском бульваре 5/5 в компании интеллектуалов – обаятельного Никиты Покровского, загадочного Вадима Радаева, мудрого Овсея Шкаратана; позднее к нам присоединился типичный представитель академической интеллигенции Санкт-Петербурга Володя Козловский.

Ситуация открытия социологических специальностей в техническом вузе изменилась, начались нововведения в так называемых классических университетах. На кафедре и в Научном парке оказались не только выпускники Высших социологических курсов (на базе Высшей комсомольской школы; позже – Институт молодежи, еще позже – Московский гуманитарный университет), но и выпускники кафедры. Они продолжили обучение в аспирантуре, зарубежных магистратурах,

большинство прошли стажировки в университетах Великобритании, Германии, США, Швеции. Некоторые остались работать в Москве, Санкт-Петербурге, США, Великобритании, но есть и те, кто не покинул родной коллектив.

Двадцать пять лет назад я организовала диссертационный докторский совет по социологии при СГТУ; с тех пор защищено более двадцати докторских и трехсот кандидатских диссертаций по социологии. За длительную историю совета сложилась практика расширенной экспертизы диссертаций. Многослойная апробация и экспертная процедура, реализуемая социологической школой, способствовала высокому качеству подготовки научных кадров, совет был на хорошем счету и получал одобрение ВАК. Сегодня, однако, ни добрая репутация совета, ни высокая оценка научной школы не могут служить препятствием на пути разрушительной мощи управленцев от науки и образования. Вместо былого дискурса гуманитаризации появился старорежимный лозунг узкой профилизации, в контексте которого наш совет оказался в «непрофильном вузе» и получил рекомендацию срочно объединиться с каким-нибудь еще советом!

Организация научной социологической школы – бесспорная социальная инновация в системе технических университетов. Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова организовали «Центр социальной политики и гендерных исследований», важнейшим проектом стал «Журнал исследований социальной политики». Среди учеников школы много заслуженных людей, работающих в сферах науки, образования, бизнеса, управления; они логично развивают направления, связанные с пространством и временем социальных изменений, социальной политики в системном, широком диапазоне. Лев Фиглин, защитивший докторскую по социологии качества, как-то сказал: «И в преподавании, и в экспертной работе по диссертациям, и в исследованиях я чувствую, что представляю школу Валентины Николаевны; уровень нашей школы социологии – это наш бренд». Одна из ключевых особенностей саратовской социологической школы – активный прикладной характер научных разработок во взаимодействии с социальными министерствами. Эти проблемы не могут быть только философскими, социологическими или политическими, подходы должны быть междисциплинарными, институциональными.

Можно ли сказать, что занятия физикой, философией стали площадкой, с которой ты стартовала в социологию, где смогла полностью раскрыться как исследователь, преподаватель и организатор науки?

Физика, как никакая другая наука, организует ум, приучает подчиняться природе, времени как свободолюбивому субъекту реальности с сетями, бифуркациями, нелинейностью и многоликостью темпоральностью; настраивает на философствование от Канта и Гегеля до Урри и Фуко. В советские годы преподаватели философии делились

на тех, кто читал диалектический материализм (диамат), и тех, кто вел курсы по историческому материализму (истмат). Диамат проще давался преподавателям, у которых был за спиной опыт обучения на естественнонаучных специальностях; сердцем теории была работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Это было мучением для «чистых» гуманитариев!

Научная революция на рубеже XIX–XX столетий взорвала традиционную науку открытиями, инновационными теориями и методологиями. Но жесткий авторитет ленинской критики эмпириокритицизма убрал из поля зрения советских обществоведов экзистенциальные форматы времени, темпоральность жизненного пути и возможность его конструирования. В советской общественной науке доминировала ждановская линейная интерпретация истории философии как непримиримой борьбы двух «партий» — материализма и идеализма. Так называемый «основной вопрос философии» до сих пор любим некоторыми преподавателями, предпочитающими линейные схемы объяснения. Вульгарное, грубое полярное разведение материализма и идеализма становится непригодным для современной интеллектуальной рефлексии. Гораздо лучше выражает основной вопрос философии Шекспир устами Гамлета.

Современная научная теория социальных процессов принципиально невозможна без перехода к третьему типу рациональности, плюралистической и нелинейной картине мира.

Занятия физикой и философией не прошли бесследно, но стали трамплином для прыжка в социологию. Лишь в соединении с этим прыжком можно было «сочинить» организацию социологического центра, научного парка, открытие западной специальности, диссертационного совета, аспирантуры и докторантуры, магистратуры. Появилось непреодолимое желание восстановить разорванную связь социальной и жизненной представленности времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пэйн М.* Социальная работа: Современная теория. М.: Академия 2007. — 392 с.
2. *Ярская В.* Калейдоскоп времени. Следы биографии. М. ООО «Вариант», 2015. — 243 с.
3. *Ярская В.* Инверсия времени как механизм памяти в контексте культуры // Память. Время. Культура / Под ред. В. Ярской и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО Вариант, 2011. С. 5–18.
4. *Ярская В.* «Меня можно назвать агентом социального образования». Интервью подготовлено В. Щеплановой // Социологический журнал. 2005. № 2. С. 157–174.
5. *Gurvitch G.* The Problem of Time // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. London: Macmillan, 1990. — 184 p.

6. *Yarskaya-Smirnova V. Temporalizm of Biography // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference Social Relations in Turbulent Times: Abstract Book. Geneva: University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011. P. 688–688.*

Дата поступления: 02.07.2015.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2015. VOL. 21. NO. 4. P. 149–163. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3069

V.N. YARSKAYA-SMIRNOVA

Gagarin State Technical University, Saratov, Russian Federation

Yarskaya-Smirnova Valentina Nicolaevna – Doctor of Philosophy Sciences, Professor of Gagarin State Technical University. **Address:** Politekhnicheskaya st., 77, Gagarin State Technical University, 410054, Saratov, Russian Federation. **Phone/fax:** +7(8452) 998-059 / 57. **Email:** jarskaja@mail.ru

V.N. YARSKAYA-SMIRNOVA: “LIKE MANY OF THOSE YEARS, MY WAY INTO SOCIOLOGY WAS NOT EASY: MY STARTING POINT WAS THE PHILOSOPHY”

REFERENCES

1. Pein M. *Sotsial'naya rabota: Sovremennaya teoriya*. [Social Work: The Contemporary theory.] Moscow: Akademiya Publ., 2007. 392 p. (In Russ.)
2. Yarskaya V. *Kaleidoskop vremeni. Sledy biografii*. [Time' Kaleidoscope. The Traces of Biography.] Moscow: OOO “Variant” Publ., 2015. 243 p. (In Russ.)
3. Yarskaya V. *Inversiya vremeni kak mekhanizm pamyati v kontekste kul'tury. Pamyat'. Vremya. Kul'tura*. [The Inversion of Time as a memory mechanism in the context of Culture. Memory. Time. Culture.] Eds. V. Yarskoi, E. Yarskoi-Smirnovoi. Moscow: OOO Variant Publ., 2011. P. 5–18. (In Russ.)
4. Yarskaya V. “Menya možno nazvat' agentom sotsial'nogo obrazovaniya”. Interv'y u V. Shcheblanovoi. [“I can be named an agent of social education”. Interview prepared by V. Shcheblanova.] *Sotsiologicheskii Zhurnal*. 2005. No. 2. P. 157–174. (In Russ.)
5. Gurvitch G. The Problem of Time. *The Sociology of Time*. Ed. by J. Hassard. L.: Macmillan, 1990. 184 p.
6. Yarskaya-Smirnova V. Temporalizm of Biography. *Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference Social Relations in Turbulent Times: Abstract Book*. Geneva: University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011. P. 688–688.

Received: 02.17.2015.
